

Мой университет

ПАРАДОКСЫ СУДЬБЫ МИХАЭЛЯ ШИНДХЕЛЬМА

Своими воспоминаниями о годах учёбы в Воронежском государственном университете делится немецкий писатель-драматург, переводчик, театральный менеджер, консультант по вопросам культуры в Гонконге и других странах мира, содиректор нескольких проектов Московского института медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» Михаэль Шиндхельм. С 1979 по 1983 годы Шиндхельм учился на химическом факультете ВГУ. Беседа состоялась в феврале этого года в Москве.

Господин Шиндхельм, высшее образование вы получали в нашей стране в начале 80-х гг. прошлого столетия. Юноша из Германии приехал в Воронеж изучать химию в государственном университете. Какие сохранились в вашей памяти воспоминания о студенческих годах, проведенных в стенах ВГУ?

Я приехал в Россию восемнадцатилетним человеком, а уехал отсюда, когда мне было 23 года. И моё пребывание в Советском Союзе было неразрывно связано с Воронежем, который я выбрал для прохождения учёбы сам. Это был очень важный период в жизни, определивший многое в дальнейшей судьбе. Я встретил здесь немало людей, которые в той или иной степени оказали ощутимое влияние на формирование моего профессионализма.

Вы можете припомнить какие-то имена? Может, из числа преподавателей?

Мой выбор в обучении пал на квантовую химию, которую, честно говоря, не только в Воронеже, но и в Советском Союзе вообще не преподавали. На химическом факультете ВГУ моим научным руководителем в течение последних двух лет был педагог по фамилии Кондрашин, который интересовался вопросами квантовой химии. Но специальной кафедры, соответствующей лаборатории и отлаженной системы научных исследований в этой области на этом факультете не было. Так что надо было выработать концепцию изучения интересующего меня предмета. И мы связались с кафедрой физики твердого тела, в частности, с преподавателем Тимошенко (может быть он еще там есть — не знаю). Вот эти два человека были, действительно, для меня очень важны. И, конечно, я запомнил много студентов. Да, там еще был человек, который был и преподавателем, и другом для меня — Витя Гордин. Может быть вы знаете? Он уже умер.

Конечно. Виктор Леонидович Гордин — доцент химфака ВГУ, фотохудожник и исследователь воронежского периода жизни Осипа Мандельштама.

Мы встретились впервые на втором курсе. Он был преподавателем кафедры неорганической химии. Гордин, его жена и одна очень близкая подруга из Австрии, которая в то время тоже работала в Воронеже, а потом в Москве в качестве преподавателя немецкого языка, составляли для меня ближайший круг общения. Все мы очень сдружились. И эти связи продолжались и после моего возвращения в Германию, частично существуют и до сих пор. Когда в 1991 г. Гордины уехали в Израиль, у нас появилась возможность более тесного общения. Жаль, что Виктор Гордин так рано погиб.

Два года назад вы были в Воронеже. Какое у вас впечатление, город сильно изменился?

И да, и нет. Я должен сказать, что город произвёл почти то же самое впечатление, что и Москва. Звучит немножко странно, но и здесь и там вы чувствуете, конечно, что тридцать лет наложили отпечаток. Больше всего это заметно в архитектуре — и здесь, и в Воронеже появились новые здания... Правда, оценить размеры архитектурных изменений в Воронеже было очень сложно. Я был там один день. Это было в декабре, и день был темный, очень короткий. Я узнавал улицы и скверы, отдельные здания, которые сохранились с момента моего отъезда в Германию, хотя жил я там в гостинице, которой, конечно, не было в советское время. Но с другой стороны, те же люди. Я должен сказать, что есть какая-то социальная непрерывность. Безусловно, что сейчас другая политическая система, но есть еще какая-то окружающая среда, которая не очень изменилась. Но это все впечатления одного дня. Я говорил в университете с несколькими профессорами, несколькими политиками, губернатором. Так что пока это очень неточная картинка.

Вы подтвердили мысль, что любой город — это эклектическое образование, в нем нельзя всё сразу поменять, происходит постепенная замена, с одной стороны, с другой стороны, что именно архитектура выступает мощным новатором изменений. Потому именно по архитектуре мы наиболее явно видим, какие изменения произошли в обществе...

Действительно. Есть узловые точки в центре города. Вы восстановили церкви. В то время, когда я жил и учился там, церкви были в очень плохом состоянии. Сейчас, когда приезжаешь в Воронеж, видишь, что церквей много и они в хорошем состоянии, отреставрированы. Они действительно выглядят сейчас, как сокровища. В годы, когда я жил в Воронеже, они были развалинами. Я, как религиозный человек, — причем, в те годы был более религиозный, чем сегодня — для меня было не так легко переживать нигилистическое отношение к церкви. Я оказался внутри какой-то атеистической системы, которая для меня была абсолютно новой и непонятной. Даже в бывшей ГДР было больше свободы в выражении религиозности. Здесь же церковь посещать было просто трудно. Там всегда дежурила милиция, все входы были перекрыты. Милиция контролировала людей, требовала паспорт, и поэтому решение идти в церковь в то время было довольно серьезным, даже политическим решением. Храмы были в очень плохом состоянии. Сегодня именно эта область культурной жизни в России приобрела явные изменения.

У меня еще был научный коммунизм...

У кого его не было... У нас он тоже был. В вашем романе «Путешествие Роберта» Воронеж таким и представлен — городом без религии, без церкви?..

Конечно, там тоже есть критические аспекты. Моё пребывание в СССР было связано с многочисленными парадоксами. Например, я жил в Воронеже со студентами из более чем шестидесяти стран. И это тоже причина, почему мне так дорог был Воронеж. Они приехали туда из Африки, Азии, и даже Запада. И это было для меня неожиданно. Я думал, что я приеду в страну, где меня будут окружать студенты только из советских республик. Но оказалось, что там есть англичане, которые только что приехали из Лондона, где всё ещё была актуальна панк-культура, африканцы слушали Боба Марли, русские пели Высоцкого... Сюда приезжали

студенты не только из городов и сел мировой коммунистической системы, но и из Квебека, Падуи или Гетеборга. В Воронеже я познакомился с некоторыми из моих самых верных друзей: они приехали из Австрии, Маврикия и Москвы. Для меня была очень важна эта смесь различных культурных влияний. И сегодня, когда я легко работаю в мультикультурном пространстве, можно сказать, что первый опыт такого существования я получил именно в Воронеже. Для меня Воронеж стал окном в мир. И в то же время, Воронеж был закрытым городом. Если кто-то хотел пригласить членов семьи в гости, то это было практически невозможно. Этот город был закрыт для иностранцев, потому что здесь было много предприятий военной промышленности. Это было, конечно, странно, потому что в Воронеже училось огромное множество иностранцев, но город считался закрытым. Парадокс. Я описывал такие вещи в своем романе.

Меня очень заинтересовало, что вы занимаетесь переводами. И среди переведенных авторов есть и Осип Мандельштам. Автор чрезвычайно сложный, к которому трудно подступиться даже человеку, выросшему в русскоязычной среде. А вот для вас какие особенные грани творчества высветила работа над переводами лирики Мандельштам? Что вас поразило в этом поэте?

Я познакомился с Мандельштамом, его биографией и творчеством, благодаря Гордину и его кругу. И это был очень важный момент в моей жизни. Мне было двадцать лет, я уже начал увлекаться литературой, сочинять стихи... Поэзией я был увлечен очень серьезно. Я всегда считал, что очень трудно понимать смысл, образ, идеи иноязычной культуры. Очень легко при переводе стихотворения испортить оригинал. И хотя есть блестящие переводы поэзии с разных языков, добиться стопроцентного соответствия оригиналу было не под силу никому. Мандельштама переводить тем более сложно, потому что он экспериментатор. Но это было интересно. Я был молодым человеком, я жил в другой политической системе. И не только в Воронеже, но и в ГДР я не чувствовал себя свободным, я постоянно ощущал контроль со стороны разных служб. И это имело тоже значение для того, чтобы я обратился к творчеству этого поэта, чтобы я попытался понять, как он выражает свое несогласие с существующим режимом и какой грустью пронизано все его творчество. И не только лирика Мандельштама. Я изучал его «Путешествие в Армению», мне было интересно, как он проникает в чужую культуру, постигает ее внутреннюю суть. И, несмотря на то, что Мандельштам представляет другую эпоху и другую культуру, я ощущал в нем некоторое родство. Первые переводы Мандельштама я начал осуществлять еще в конце 1980-х, перед завершением эпохи коммунизма в Германии. Я переводил Мандельштама на немецкий, хотя найти исходные тексты этого поэта было очень сложно. И только в 1987 году опубликовали первый сборник стихов Мандельштама на немецком языке. И там были довольно известные переводы Пауля Целана. Сам я никогда бы не решил заняться переводами Мандельштама, если бы не один человек, который обратился ко мне с предложением перевести стихи Осипа Мандельштама. Это сегодня один из самых известных швейцарских композиторов Клаус Хубер. Ему сейчас уже за 80 лет, но когда он был моложе, он был левых убеждений, интеллигент, очень интересовался историей России, несколько раз путешествовал по СССР. И у него родилась идея — создать оперу на стихи Мандельштама. И он обратился ко мне, зная, что я занимаюсь переводами и что в романе «Путешествие Роберта» упоминаю о своем увлечении Мандельштамом. Мы познакомились, и через четыре года, действительно, была написана опера.

Господин Шиндхельм, ваша судьба мне кажется очень необычной, а отчасти и нелогичной. Вы приехали в Воронеж, поступили на химический факультет... При этом вас интересовала квантовая физика. А дальше еще более странно и непонятно: литературные переводы, театр... Как вы можете объяснить такие повороты судьбы? Как может быть химик причастен к театральному процессу? Как человека, который изучал точные науки, всю последующую жизнь будет интересовать искусство и современные культурные процессы?

Серьезные изменения, которые произошли в политической системе и здесь, и в Германии пришлось на время, когда я был еще молодым человеком. И у меня была возможность каким-то образом перестроиться. Я должен сказать, что я с детства был более заинтересован в литературе, музыке, в искусстве в целом, чем в точной науке. Но изучать все предметы, связанные с культурой, в то время было для меня неинтересно. Там было слишком много запретов, слишком много ограничений, слишком многих книг я не мог читать. Не мог изучать те проблемы, которые действительно меня интересовали. А поскольку точные науки в то время были очень хорошо развиты, то выбор был сделан в пользу химии и физики. Но я считаю, что для развития мышления, логики это было не напрасно. Если бы я изучал литературу в то время, то, по сути, я изучал бы марксизм-ленинизм со многими ограничениями. Будучи же студентом Воронежского университета, я уже писал стихи и пьесы «в стол». Когда я вернулся в Восточную Германию и снова учился...

... с Анжелой Меркель?

Да-да... Я все острее понимал, что занимаюсь чужим, неблизким мне делом. И примерно в 87–88 годах я подвел черту под прежним образом жизни. И решил начать новую страницу своей творческой биографии. Я стал активно сотрудничать с театром и как сценарист, и как переводчик. Я перевел в это время «Собачье сердце» Булгакова. И мой перевод этой пьесы был первым на немецком языке. В 1988–89 году я был приглашен в Москву как журналист газеты «Нойес Лебен» («Новая жизнь»), ориентированной на немецкое население в России. Это издание на немецком языке выходило в России под крышей издательства «Правда». Я был очень рад этой работе, поскольку, когда я вернулся в ГДР, я почувствовал, что я чужой в этой стране и меня ничего с ней не связывает. Я приобрел другой социальный опыт, другое мировосприятие, так что даже прежние друзья мне казались чужими. Когда я впервые приехал в Россию, это были времена Брежнева, очень сильно ощущалась усталость, вялость общественной жизни. Теперь, вернувшись в Москву в период перестройки, я не узнал страны, и она мне показалась более живой и динамичной, требующей обновления. Бурлящая толпа на Пушкинской, происходившие вокруг изменения — это была другая страна. И гораздо более передовое общество, чем Германия в то время. Все это время в Германии я оставался свободным художником, и только в 90-м году меня пригласили руководить одним театром, даже при том, что я не имел опыта. Это произошло потому, что в Германии стали избавляться от всех специалистов, руководителей в том числе, причастных к Штази и к другим коммунистическим организациям. Таких было очень много. Страна нуждалась в новых кадрах, не имеющих в своей биографии «темных» пятен коммунистического прошлого. Меня пригласили, потому что я был 25-летним юношей, полным энергии, новых идей и современных убеждений.

А сегодня вы всё чаще и чаще приглашаетесь на работу в качестве «консультанта по культуре». Я в своей практике не встречалась с людьми, должность которых определялась бы таким образом. Вы — консультант по культуре в другой стране. Что это означает?

А почему нет?

Это связано с глобальными процессами в мире? С унифицированием культуры? Но культуры каждой страны — это замкнутые образования. И что может понять человек другой культуры, говорящей на ином языке?

Всегда в культуре были явления, которые носили международный характер. Например, опера, музыка. Они всегда были международными, в какой-то степени даже глобальными. Художники, писатели всегда работали в разных странах и могли понимать, что там происходит. Сейчас с началом глобализации всё это стало острее. Тенденция расширения культурных стереотипов очевидна. Поэтому надо развивать механизмы для развития локальных культур. Но не в консервативном плане. Иначе

культура умирает. Очень важно, чтобы этот процесс развивался активно, чтобы мы жили в ситуации диалога в глобальном мире культуры. Сегодня западная культура очень развита, по всему миру «расползается» американская культура, в том числе, через Голливуд. Западная культура проявляется как потребительская и агрессивная, она действительно стремится к мировому господству, к мировому распространению. Возникает вопрос: как пережить эту ситуацию без существенных поражений? Безусловно, западная культура имеет много положительных сторон, но и все остальные культуры имеют право на свое локальное культурное развитие. И как найти решение в этом вопросе — не имеет однозначного решения. Политики часто считают, что удачнее всего импортировать западные ценности. Сторонников этой точки зрения много в Индии, Китае, Южной Америке, частично даже в России. Мои советы, как правило, заключаются в нахождении баланса между западными влияниями и различными вариантами внутреннего развития.

Когда вы приезжаете в Гонконг или в Дубай вы наверняка сталкиваетесь с людьми, осознающими необходимость осторожного заимствования западной культуры и важность развития национальных традиций. Ваши советы носят какой-то конкретный характер? В чем заключается процесс консультирования в чужой стране?

Оказывается, когда на волнующие вопросы отвечает иностранец — человек со стороны, — ответы бывают иными, неожиданными. В том числе, и здесь в Москве. Это происходит из-за различия в мировоззрении. Люди, которые приглашают меня для консультаций, воспринимают меня как чужого, для которого многие вещи выглядят иначе. Я могу обнаружить препятствия и изъяны в позиции тех или иных людей, о чём не подозревают местные. Я выступаю в некотором роде гипнотизером, которому удается вытащить информацию о человеке, когда он этого меньше всего ожидает. Мое общение всегда начинается с внимательного отношения, изучения человека еще до того, как он начнет говорить. Я собираю достаточно большую информацию, прежде чем приступаю к анализу и оценке. Затем мои выводы становятся основой каких-то конкретных культурных проектов или программ.

У меня складывается впечатление, что вы — человек мира. Вы родились в Германии, живете в Италии и Швейцарии, а работаете по всему миру. Вам самому приусше это ощущение?

Да, я действительно жил не только в разных странах, но и в разных политических системах. Сегодня почти не существует коммунистических стран, зато широко распространяется глобальный капитализм, что делает разные страны мира более понятными и близкими. Я работал в Дубаи, в Пекине, учился в СССР, родился в ГДР, живу на Западе. Той страны, где я родился, уже не существует. Да и той страны, где учился тоже нет. Много изменилось, поэтому это не только мое желание, но это и реальная мировая ситуация. Можно сказать, что это и моя судьба. Всегда полезен опыт, приобретенный в других странах, но для меня этот опыт часто возникал по воле судьбы.

И мой последний вопрос. Вас в последнее время приглашают работать в Московский институт медиа, архитектуры и дизайна, который именуется «Стрелка». Какая из этих областей вам ближе?

Наверно, медиа. Я, конечно, работал с архитекторами. Я понимаю суть этой профессии, понимаю, как взаимосвязана архитектура с бизнесом, какие там есть проблемы сегодня: экономические и культурные. Они тоже продукт глобализации. Но все-таки в большей степени меня здесь привлекают к работе в качестве специалиста в области журналистики. Как писателя, имеющего международный и русский опыт.

Вопросы задавала Тамара ДЬЯКОВА

Р. С. Михаэль Шиндхельм в последнее время достаточно часто выступает с авторскими статьями в российских электронных СМИ. Некоторые его высказывания и суждения прекрасно дополняют представленное интервью.

- Учиться у Советского Союза значит учиться побеждать. В этом меня убеждали на уроках в социалистической ГДР в 70-е годы прошлого века. Вопрос, который я тогда не решался задать моему воодушевленному учителю, звучал так: если мы учимся у Советского Союза, у кого же учится он сам? Прошло уже 20 лет с тех пор, как история положила конец СССР, а мой вопрос так и остался без ответа.

- Лучше ли положение молодых русских женщин или хуже по сравнению с поколением их матерей? Признаться, в 1979 году, когда я учился в университете в Воронеже, на моем курсе я был окружен в основном женщинами. 75 процентов моих коллег были противоположного пола: Надя, Маша, Лена, комсомолки, которые иногда во время перемены вдруг брали друг дружку под руки и пели в аудитории. Они делали лучшую лабораторную аппаратуру и не прогуливали ни субботники, ни картошку. Еще была пара доцентов, а вот профессоров-женщин не было вообще. Зато именно женщины при минус 20 ремонтировали трамвайные рельсы, а дома должны были заботиться о муже-алкоголике. Сам я в Воронеже не слишком интересовался аппаратурой и позже выбрал теоретическую науку. Я редко появлялся на субботниках, не говоря уже о картошке. Надя и ее подруги не были суперженщинами. Но меня уже тогда занимал вопрос, а что из них получится в будущем. Ответ на него я не нашел. Когда я сегодня смотрю вокруг, я не вижу, чтобы современное русское общество скольким-нибудь определялось женщинами-политиками и топ-менеджерами.

- Я оказался не слишком прилежным квантовым химиком, но всегда поддерживал градус симпатии к русскому языку на определенном уровне и переводил Чехова и Гоголя для немецкого театра. Признаюсь, я уже не настолько хорошо им владею, но мне кажется, что русские с удовольствием говорят на родном языке — почти так же, как французы наслаждаются помером урожая 1982 года или индусы игрой в крикет. И даже если современный русский язык звучит непохоже на Пушкина или Мандельштама, я всегда слушаю с удовольствием.

- Качество города зависит от того, что думают о нем его жители. Город — это не только дома и улицы, город, как говорится у Шекспира, — это люди.

- Вдруг я оказался на воронежской театральной сцене и снова должен был говорить по-русски. Я сказал, что раньше надо было пять лет учиться, чтобы получить диплом, а сейчас его дают сразу. Губернатор передал мне неизбежный отлитый в металле памятный подарок и прилагавшийся к нему рукописный текст в рамке — написанная моей рукой просьба о зачислении в университет от 1979 года... Воронеж меня не забыл.

